

7. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Джордж Ритцер. – СПб., 2002.
8. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс. – М., 2000.
9. Лазаревич, А.А. Глобальное коммуникационное общество / А.А. Лазаревич. – Минск, 2008.
10. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман // THESIS. – 1994. № 5.
11. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М., 2003.
12. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М., 1999.
13. Ядов, В.А. Информация о XII Всемирном социологическом конгрессе / В.А. Ядов, З.Т. Голенкова // Социс. – 1990. № 11.

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ

А.П. Ждановский, г. Минск, Беларусь

Становление постклассической европейской философии проходило под знаком переосмысления природы разума, рациональности. Классическая философия утвердила идею гармонии между организацией бытия и субъективной организацией человека, когда мыслительные акты однозначно соответствуют связям и дифференциациям объектов. Постклассическое мышление указывает на историческую изменчивость самого бытия, отказывается строить свое содержание как систему законченного рационального знания. Изменяется само понимание истинности, «разумности» знания. Если для классического философствования характерно стремление к объективной, «вечной» истине, преодолевающее на этом пути множество препятствий и, прежде всего, предрассудков, обусловленных самой природой человека, его психофизической организацией, несовершенством языка и форм общения, исторической ограниченностью любых видов практики, то постклассика трактует знание через выявление его эффективности, практичности, утилитарности: истина должна прежде всего согласовать экзистенцию с формами социальной жизни, приспособить человека к миру.

Свой особый ракурс постановки и решения этих методологических, философско-мировоззренческих проблем предложила феноменология Э. Гуссерля.

Философ отказывается от идеи психологизма, т.е. трактовки истин науки как зависящих от факта их переживаемости конкретными индивидами. Содержание истин, учит Э. Гуссерль, не зависит от их конкретной наполненности психической энергией субъектов. Истины наук

обладают особым бытием: они не объективны, не субъективны, но нейтральны в отношении ко всякому содержанию опыта. В структуре сознания изначально заложена характеристика направленности, нацеленности на предмет, выделяющая его из ряда других предметов. Выделяя интересующий его предмет, сознание оформляет свой познавательный интерес, становится конечным (а потому и определенным). Субъект же познавательной деятельности редуцируется к его по сути единственной фундаментальной характеристике – интенциональности, т.е. направленности на трансцендентный объект. Сознание субъекта по необходимости воплощается в материальной форме слов, выражений; поэтому теряет изначально присущую ему чистоту.

Философ вводит понятие интерсубъективности. Это понятие означает общность, изначально связывающую субъектов, внутри которой они только и могут осуществлять свою познавательную деятельность, понимать друг друга. Открытие субъектом мира как поля его сосуществования наряду с другими субъектами (интенциональными сущностями) переструктурирует и его самопонимание: сознание субъекта впервые предстает как «мое» в противовес к «чужому». Аналогичным образом преобразуется мир феноменов, наделяясь способностью быть открытым для конституирования Другими.

Исходя из этой мировоззренческой предпосылки, Э. Гуссерль обращается к анализу реальных мировых связей сознания европейского человека в исторической перспективе.

Причины временного культурного кризиса философ видит, прежде всего, в особенностях социокультурного функционирования современной науки, и, прежде всего – естествознания. Речь идет об отрыве идеальных сущностей, конструируемых естествознанием ньютоновско-галилеевского типа, от своих жизненных корней. Мир реальных предметов оказался вытесненным идеальным миром, а натурализм и объективизм современной науки стали выступать в качестве всеобщей формы переживания реальности.

Путь преодоления кризиса, по Э. Гуссерлю, открывает применение феноменологического метода. Феноменология должна обратиться к анализу европейской науки и культуры в целом, раскрыть ее живые исторические корни, реанимировать ее утраченные смыслы и тем самым обозначить новые возможности развития европейского человечества, обнаружить его подлинную историчность, обратиться к сознательному осуществлению его собственной судьбы.

Проблема рациональности переосмысливается и в экзистенциализме М. Хайдеггера. Концепция М. Хайдеггера объясняет мир не в его соотнесенности с рациональными характеристиками индивида, но через

призму его деятельности, целостности его бытия, наполненного переживаниями и устремлениями.

Экзистенциальная аналитика человеческого бытия, по М. Хайдеггеру, это анализ бытийных определений человека, опирающийся на изначально присущее человеку донаучное, дорефлексивное понимание бытия. Сущность же человека находится в его экзистенции, которая не может быть сведена к его наличному существованию. Отличие бытия человека (экзистенции) от бытия сущего заключается в том, что экзистенция несубстанциальна, т.е. она несводима к некоторой материальной или духовной субстанции. Ее специфика проявляется в отношении человека к своему бытию как к возможности. Сущность экзистенции проявляет себя в возможности человека проектировать, изменять свою жизнь. Человек есть то, чем он может стать.

Человеческое «в – мире – бытие» предполагает бытие рядом с другими людьми, следовательно, оно включает в себя определенное «общественное» измерение. «Озабоченное» отношение человека к миру заставляет его действовать совместно с другими людьми. Истинное бытие человека раскрывается через деятельное, «озабоченное» отношение к вещам и другим людям.

Деятельный характер «в – мире – бытия» может, однако принимать отчужденные формы, растворяя человека в мире, стандартизируя, усредняя его существование. В повседневной жизни человек теряет себя, свою «самость», становится похожим на Других, становится таким, как Другие. Эту сферу обезличенного существования человека М. Хайдеггер называет миром *Man*, превращающим оригинальное – в посредственное, все тайное – в явное.

Антитезе подлинного и неподлинного бытия соответствует у М. Хайдеггера дифференциация языка (язык сущности и язык существования). Язык сущности, язык подлинного бытия это синкретический язык досократовской Греции. В культуре Древней Греции субъект не противопоставлен объекту, человек – природе, когда намерения слова и дела были неразделимы. Понятийное мышление Сократа, стремившегося к окончательной точности дефиниций, раскололо мир на субъект и объект. Раскол был усугублен метафизикой Платона и Аристотеля, закреплён в языке современной науки и логики; современный язык это не язык истинного бытия. Он превратился в инструмент, вещь, существующую наряду с другими вещами. Вернуть девальвированному языку его прежнюю ценность возможно на пути его реформирования, его освобождения от застывших безжизненных форм логики и грамматики. Позитивный опыт такого реформирования М. Хайдеггер усматривает в поэзии раннего немецкого романтизма (Гельдерлин, Новалис), поэтических экспериментах Г. Тракля, С. Георге. Новые выразительные

возможности музыкального языка, полагает М. Хайдеггер, открываются в дедокафонной системе А. Шенберга.

Таким образом, постклассическая философия, переосмысливая классическую интерпретацию рациональности, пытается по-новому (в сопоставлении с ее интерпретациями в контексте методологических стратегий классического периода) раскрыть ее природу, обращается к исследованию исторической размерности разума, к рассмотрению механизмов его функционирования в системах социокультурных детерминант.

ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО И АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО КАК СФЕРЫ БЫТИЯ ФИЛОСОФИИ

А.И. Зеленков, г. Минск, Беларусь

1. Одной из актуальных проблем современной гуманитаристики является широко обсуждаемый вопрос о судьбах философии в изменяющемся мире, о ее самоорганизации в современной культуре. Представляется небезынтересным рассмотреть эту проблему, выделяя две существенно различные ипостаси философии как уникального феномена культуры, который уже на протяжении более 2,5 тыс. лет является неотъемлемым компонентом цивилизации, по крайней мере, в ее западной версии.

Первую ипостась можно определить как «философия в публичном пространстве социума». Речь здесь идет о том, насколько нужна и востребована философия как рационально-критическая форма рефлексии о делах общества и власти в том или ином социуме, в его культуре, образовании, политических практиках и формах массовой коммуникации.

Вторая ипостась философии представлена в формах профессионально-академического дискурса и общения. Это гораздо более сложное и тонкое понимание ее природы и функции, которое опирается на богатейший опыт развития как самой философии, так и науки, религии, искусства.

Среди этих формообразований культуры наука занимает особое место и средоточием ее взаимодействия и диалога с философией всегда была не рыночная площадь или институты государственной власти, а университеты, научные и образовательные центры.

Именно поэтому в обширном тематическом пространстве философии как профессионально-академического дискурса имеет смысл выделить лишь один, но смыслообразующий аспект. Он касается перманентного для самой философии диалога с наукой и рациональными формами миропонимания. Метаморфозы этого диалога становятся особенно наглядными именно в нашу эпоху, когда перспективы самой философии во многом будут определяться сакраментальным выбором между